цом витийства, удовольствует похвальное любопытство свое, прочитав на нее примечания в 1-й части Сочинений и переводов Российской Академии 1805 года».[33] Толкования Шишкова легли в основу перевода Палицына: «Переложение сей песни в прозе и остроумные примечания г. Шишкова подали мне и мысль и смелость переложить оную, как песнь, стихами, а лестное одобрение, коим он удостоил их начало, побудило меня окончить сие слабое стихотворение».[34]

Свой перевод вслед за Шишковым Палицын называет «героическая песнь», тем самым подчеркивая близость его к произведениям высокого жанра, прежде всего к эпической поэме. Этим обусловлен и размер перевода (единственный в истории поэтических переложений памятника) — шестистопный ямб, прочно прикрепленный в русской традиции, следом за Францией, к высокой трагедии и героической эпопее.

Основным стилеобразующим элементом у Палицына, как и у Шишкова, естественно становятся славянизмы. Герои его «песни» торжественно «текут» в битву, как это делали их предшественники в «Россиядах» и «Петриадах», полководцы торжественно выступают и т. п.:

Уже российская рать течет от всех сторон. . .[35]

Или:

Уже россияне вспять клонятся от бою,
Но паки в бой текут, узрев князей с собою.[36]

Рационалистическое мышление классицизма избегает необычного словоупотребления, поэтому, когда, следуя за прозаическим текстом, Палицын встретил там выражение *жемчужная душа*, то эпитет этот показался ему слишком смелым. И в примечании Палицын предлагает своим читателям: «Если выражение *жемчужная душа*, как ныне неупотребительное, хотя впрочем в древнем слоге красноречивое, кому не понравится, тот может сей стих прочесть так:

$\frac{\text{Дражайшая}}{\text{Геройская}}$ душа твоя из храбра тела.[37]

Палицын со скрупулезной точностью перекладывает в стихи перевод Шишкова. Рабская зависимость его от оригинала особенно отчетливо проявляется при переложении вставок Шишкова, не имеющих соответствия в древнем тексте. У Шишкова: «Из древних преданий известно нам, каким образом славные во бранях князья и полководцы решали состязание свое о преимуществе: десять мужей выезжали на чистое поле, каждый с соколом на руке; они пускали их на стадо лебединое: чей сокол скорее долетал, тот и первенство одерживал, тому и песнь воспевалася» (VII, 126). У Палицына:

Из древних повестей о том известно нам,
Что к почести князей, которых прославляли,
Им десять соколов на лебедей пускали:
Чей прежде долетал к предмету своему,
То воспевалася и прежде песнь тому.[38]

---

[33] Игорь, героическая песнь. С древней славенской песни, писанной в XII веке, преложил стихами Александр Палицын, Харьков, 1807, стр. VI.
[34] Там же.
[35] Там же, стр. 3.
[36] Там же, стр. 8.
[37] Там же, стр. 37.
[38] Там же, стр. 1.